

Я БЫЛ ТАМ

АВТОБИОГРАФИЯ ГЕННАДИЯ ЧИКУНОВА

ИСТОРИЯ
МАЛЬЧИКА,
ПЕРЕЖИВШЕГО
БЛОКАДУ

18+

ВОСПОМИНАНИЯ ПРОСТОГО
ЧЕЛОВЕКА О НЕПРОСТОМ ВРЕМЕНИ

Геннадий Чикунов
Я был там: история мальчика,
пережившего блокаду.
Воспоминания простого
человека о непростом времени
Серия «Свидетель столетия.
Мемуары очевидцев»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63420507

*Я был там. История мальчика, пережившего блокаду Ленинграда,
который смог вернуться домой / Геннадий Чикунов: Эксмо; Москва;*

2021

ISBN 978-5-04-117134-6

Аннотация

Автобиография Геннадия Чикунова – это воспоминания о том, как счастливое довоенное детство сменяется выживанием в блокадном Ленинграде, а наивная вера в лозунги сталинских парадов и агитфильмов испаряется перед лицом подлинного страдания.

В отличие от многих похожих книг, концентрирующихся на блокаде как событии, «запаянном» с двух сторон мощными

образами начала сражений и Победы, автобиография Чикунова создает особый мир довоенного, военного и послевоенного прошлого. Этот мир, показанный через оптику советского ребенка, расскажет современному читателю о том, как воспринимались конец 1930-х годов, Великая Отечественная война, «смертное время» блокады, чего стоила не менее опасная эвакуация и тяжелая жизнь на другом краю Советского Союза.

И, наконец, вы узнаете историю долгого и трудного возвращения в город, где автором этой книги было потеряно все, кроме памяти о личной и общей блокадной трагедии.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	6
Автобиография	11
Конец ознакомительного фрагмента.	43

**Геннадий Чикунов
Я был там. История
мальчика, пережившего
блокаду Ленинграда,
который смог
вернуться домой**

© Борис Кудояров, Михаил Трахман, Всеволод Тарасевич, Алексей Варфоломеев, Григорий Чертов, Анатолий Ггарин, Израиль Озерский / РИА Новости

© Фото из личного архива Геннадия Чикунова

© Г. Чикунов, текст, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Предисловие

«Война, словно дорожный каток, беспощадно подминает под себя все движимое и недвижимое, живое и мертвое, оставляя после себя израненную, измученную, политую горькими слезами пустыню. Она не щадит никого». Эти слова Геннадия Чикунова, автора и главного героя представленной читателю автобиографии, могли бы послужить эпиграфом ко многим воспоминаниям о Великой Отечественной войне и блокаде Ленинграда 1941–1944 годов, 872-дневной осаде, унесшей жизни более миллиона советских граждан, большинство из которых погибли от голода.

Рассказ о войне глазами простого человека, вспоминающего о своем детстве, не является чем-то новым. В то же время это то свидетельство о прошлом, которое не может и не должно устареть и подвергнуться девальвации. Часто своей эмоцией и субъективным видением военной катастрофы индивидуальная и коллективная память свидетелей корректирует и оспаривает образы, предлагаемые официальной историей с ее жаждой уравнивающего единого видения. Специалисты по блокаде Ленинграда насчитывают более четырехсот опубликованных и неопубликованных блокадных дневников, количество отдельных воспоминаний о блокаде измеряется тысячами. Много это или мало? Такой вопрос неуме-

стен. Каждый дневник и каждое воспоминание о блокаде Ленинграда отражает микрокосм своего автора, вынесшего то, на что у современного читателя не хватит воображения. Что бы нам ни казалось, мы еще очень мало знаем о блокаде Ленинграда. И здесь публикацию новых воспоминаний, столь проникновенных и информативных как автобиография Геннадия Чикунова, можно только приветствовать: она будет интересна не только обычному читателю, но и историкам.

Геннадий Чикунов родился в 1934 году в поселке Невдубстрой Ленинградской области. За время Ленинградской битвы на этом месте, известном как Невский пяточок, погибнет более пятидесяти тысяч советских солдат. В начале войны вместе со своей матерью и сестрой маленький Гена, как и другие беженцы из пригородов, спасается в Ленинграде, не зная, что совсем скоро город будет блокирован, а жизнь беженцев там – без родственников, без работы, без связей, с одними иждивенческими карточками – превратится в подобие ада на земле, обрекающее горожан на вымирание.

В 1944 году отец Гены – заместитель командира партизанского отряда, воевавшего с немцами на территории Ленинградской области, пропадет без вести. Мать будет до конца спасать детей, отдавая им свою еду, и умрет от дистрофии во время эвакуации вскоре после того, как катер перевезет ее и детей через Ладожское озеро. Едва пережив первую бло-

кадную зиму, осиротевшие Гена и его младшая сестра Фая эвакуируются в Башкирию – новый для них и отчасти экзотический мир, где больше не будет блокадного ужаса артобстрелов и хождений по выморочным квартирам-склепам в поисках топлива, но выживать будет по-прежнему трудно. Оказавшись в детском доме, где Гена откроет и разовьет у себя любовь к музыке, мальчик найдет своих родственников. Вскоре он начнет самостоятельную жизнь.

Четырнадцатилетний подросток, из-за голода выглядящий на фотографиях гораздо младше своих лет, предпримет попытку вернуться в послевоенный Ленинград. Дорога домой растянется на долгие месяцы: Гена вернется туда только в 1948-м. Наконец-то оказавшись в полуразрушенном городе, где он потерял самое дорогое – мать, Гена поймет, что здесь его никто не ждет и идти ему некуда. Так мальчик против воли попадет в детприемник, нравами напоминающий колонию для несовершеннолетних преступников. Только ухватившись за предложение поработать учеником мастера на авиационном заводе, Гена сумеет вырваться из детприемника, и это решение определит его дальнейшую жизнь и профессиональную карьеру. Тема войны и блокады, память о судьбе родителей навсегда останутся для него незаживающей раной: Геннадий Чикунوف всю жизнь будет верить, что выжил только благодаря самопожертвованию своей матери.

Автобиография Геннадия Чикунова – это история о том, как счастливое довоенное детство сменяется выживанием в блокадном Ленинграде, а наивная вера в милитаристские лозунги сталинских парадов и агит-фильмов испаряется перед лицом подлинного страдания. В отличие от многих воспоминаний, концентрирующихся на войне и блокаде как герметичном событии, с двух сторон «запаянным» мощными образами начала войны и Победы, автобиография Чикунова создает особый мир довоенного, военного и послевоенного прошлого. Этот мир, показанный через оптику советского ребенка, расскажет современному читателю о том, как воспринимались конец 1930-х годов, Великая Отечественная война, «смертное время» блокады, чего стоила не менее опасная эвакуация и тяжелая жизнь на другом краю Советского Союза, а также историю долгого и трудного возвращения в город, где автором этой книги было потеряно все, кроме памяти о личной и общей блокадной трагедии.

**...НАВЕРНО, ВСЕ-ТАКИ НЕДАРОМ,
СЧИТАЮТ ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНЫМ ДАРОМ**

Народная мудрость гласит, что жизнь прожить – не поле перейти. Глубокий смысл этого изречения начинаешь понимать только после того, когда за плечами остается большая часть прожитых лет. Когда пройдешь через огонь, воду и медные трубы. Несмотря на то, что все мы живем на одной планете, над всеми нами одно и то же небо и светит одно и то же солнце, каждому из нас судьба дарит свою жизнь.

У одного биография уместается на одном листочке бумаги или даже в нескольких строках, а описание жизни некоторых людей требует большого труда, терпения, умения, таланта и доброй памяти.

Людям моего поколения судьба подарила все прелести жизни. Почти в прямом смысле пришлось пройти через огонь, воду и медные трубы. Вместе с нашими родителями и людми старшего поколения пришлось пройти через войну, обстрелы, голод, холод, горы человеческих трупов, скитание по просторам нашей необъятной страны. После мирной, спокойной, обеспеченной жизни с родителями, пришлось окунуться в голодную, холодную, босоногую, тревожную, сиротскую жизнь. Если описать только те хитросплетения жизни, что остались в памяти (к сожалению, большая часть событий уже забылась), потребуется очень много времени, терпения, бумаги и чернил. Сейчас, по прошествии стольких лет, восстановить в памяти многие события уже невозможно, но то, что еще не забыто, я постараюсь описать по мере своей малограмотности и отсутствия таланта к сочинительству. И назову я это повествование просто:

Автобиография

Как известно, каждая биография или автобиография начинается с даты и места рождения.

Родился я 24 августа 1934 г. в небольшом рабочем поселке Невдубстрой, что в 30 км от г. Ленинграда. В настоящее время – г. Кировск. Во время В. О. В. на этом месте располагался знаменитый Невский пяточок, где полегла не одна тысяча наших солдат, защитников Ленинграда.

Возник этот поселок на левом берегу Невы благодаря строительству Ленинградской 8-й ГРЭС им. Кирова, которая снабжала, снабжает и сейчас электроэнергией г. Ленинград. Топливом для выработки электроэнергии является торф, который добывается на многочисленных болотах, расположенных в окрестностях тогдашнего поселка, а в настоящее время города. В том числе и знаменитые Синявинские болота, где шли ожесточенные бои с фашистами во время блокады Ленинграда.

До войны поселок был окружен хвойными лесами. И лес, почему-то, называли лесопарком. И он действительно был похож больше на парк, чем на лес. Огромные вековые сосны и ели окружали поселок с трех сторон, обдавая его целебным запахом хвои, а в летнюю жару к этому аромату прибав-

лялся еще и запах смолы. Земля была усеяна толстым слоем опавших с деревьев иголок, и ходить по ней было мягко и приятно, словно по дорожному пушистому персидскому ковру. Несмотря на запреты родителей, мы, в то время дети, любили поваляться на этих мягких, душистых иголках, за что каждый раз получали нагоняи. Родители боялись, что мы, валяясь на земле, можем простудиться.

Как известно, все электростанции стараются строить на берегу каких-то водоемов. Ленинградская 8-я ГРЭС не была исключением из этого правила и была воздвигнута на берегу реки Невы. Соответственно, и поселок, где жили работники, обслуживающие ГРЭС, был построен на берегу полноводной, глубоководной, своенравной, во многом не похожей на другие водоемы реке – красавице Неве. Великой эту реку назвать нельзя потому, что вся ее длина составляет 74 км. В отличие от других рек, которые начинают свой бег с болотцев и маленьких ручейков, Нева с самого своего истока вытекает из самого крупного озера Европы – Ладожского, глубины которого в некоторых местах доходят до 225 м, широкой и глубоководной рекой устремляется к Финскому заливу, преодолевая это расстояние где-то за 14–15 часов. В районе Ленинграда Нева разделяется на несколько рукавов, образуя дельту.

В ОТЛИЧИЕ ОТ МНОГИХ ДРУГИХ РЕК, В НЕВЕ

НАБЛЮДАЕТСЯ ДВА ЛЕДОХОДА: ПЕРВЫЙ – НЕВСКИЙ И ВТОРОЙ – ЛАДОЖСКИЙ. Первый, Невский ледоход проходит почти незаметно: после небольших подвижек целые ледяные поля сначала раскалываются на отдельные островки, которые, как бы нехотя, отправляются в недалекое плавание, по пути ускоряя свое движение, островки раскалываются на отдельные льдинки самой причудливой формы и спокойно, без лишнего шума, уплывают с насиженных за зиму мест в сторону моря.

Ладожский, в отличие от Невского, спустя 10–15 дней, словно убедившись, что путь к морю свободен, врывается в Неву с шумом и скрежетом огромными льдинами, иногда целыми полями с какими-то шалашами и другими непонятными постройками. Во время такого ледохода частенько на берегу Невы можно было видеть толпы людей, с любопытством наблюдавших за огромными льдинами, которые то налезали друг на друга, образуя огромные айсберги, то наползали на берег с каким-то скрежетом и шипением. Особо отчаянные подростки пытались вскочить на ближайшие к берегу льдины и прокатиться на них, за что получали от взрослых нагоняи и подзатыльники.

По каким-то труднообъяснимым причинам в это время почти всегда происходило похолодание. После прохождения льда наступали теплые дни.

Сколько людей проживало в то время в поселке, я не знаю, но, судя по количеству домов и улиц, можно предположить, что где-то около 10–15 тысяч. Главными жилыми постройками являлись пять трехэтажных и один четырехэтажный дом, которые ровными рядами, словно шеренги солдат, выстроились в нескольких сотнях метров от берега Невы. Первый недалеко от берега, а остальные пять, глядя друг другу в затылок, устремившись в глубь территории поселка. Кроме шести каменных, были еще двух- и одноэтажные деревянные дома. Вокруг поселка Невдубстрой располагались небольшие рабочие поселки, которые именовались по номерам: рабочий поселок № 1, рабочий поселок № 2, рабочий поселок № 3 и т. д. Жители этих рабочих поселков в основном добывали торф для электростанции, а также выращивали продукты сельского хозяйства. Если жители основного поселка занимались выработкой электроэнергии при помощи турбин, которые неустанно крутились круглыми сутками, снабжая Ленинград в то время очень дефицитной продукцией – электричеством, жители рабочих поселков способствовали этому, снабжая ГРЭС топливом, а население продуктами. Благодаря близости такого мощного промышленного центра основное снабжение осуществлялось из Ленинграда, как по реке, так и по железной дороге. В поселке фактически было два вокзала, которые соединяли его с городом: один непосредственно в поселке, поблизости от электростанции, второй – на правом берегу Невы, куда можно было попасть при

помощи небольшого пароходика, который регулярно курсировал от одного берега к другому. Если нужно было попасть на Московский вокзал г. Ленинграда, то отъезжали с вокзала, который был расположен в самом поселке. Если на Финляндский, то садились на поезд с вокзала за рекой.

Кроме электростанции, где трудилась основная масса населения, в поселке были большой автомобильный гараж, хлебозавод, целая сеть торговых учреждений и учреждений общепита, школа, больница, летний и зимний кинотеатры, стадион с гаревой дорожкой, что в то время для подобных поселков было роскошью. В лесопарковой полосе была оборудована зона отдыха с лодочной станцией, с различными развлекательными аттракционами для людей самых разных возрастов. Мне особенно запомнился аттракцион «Гигантские шаги», где со столба свешивались толстые канаты с петлями для сидения на концах. Засунув одну ногу в петлю, можно было разбегаться и крутиться вокруг столба нескольким человекам одновременно. Этим аттракционом могли пользоваться даже мы, в то время бывшие еще детьми. Особенной популярностью пользовалась парашютная вышка, около которой всегда была толпа любопытных зрителей и болельщиков, болевших за смельчаков, решившихся прыгнуть с парашютом с этой огромной высоты. Приземлившихся с парашютом зрители встречали аплодисментами и одобрительными возгласами, а неудачников, спускавших-

ся с вышки по лестницам обратно на землю, улюлюканьем, свистками, насмешками и не очень лицеприятными эпитетами. Рассказывали, что даже я, еще не умевший говорить как следует из-за малого количества лет, кричал вслед неудачникам: «Дяденька стюсил, стюсил!»

По выходным и праздничным дням в «Ракушке» – так называли летнюю эстраду, которая действительно была очень похожа на морскую раковину, – играл духовой оркестр, выступали самодеятельные и профессиональные артисты из г. Ленинграда. Недалеко от летней эстрады располагалась танцевальная площадка, где по вечерам в хорошую погоду звучала как оркестровая, так и инструментальная танцевальная музыка, исполняемая местными гармонистами и баянистами.

Впервые в жизни я услышал настоящую живую музыку именно в этом лесопарке. Интерес к музыке у меня появился, можно сказать, с пеленок. Рассказывают, что, когда я был еще грудным ребенком, стоило только заиграть по радио какой-то музыке, прекращались с моей стороны все капризы, и я мог лежать молча целыми часами, наострив уши, сверкая черными глазищами из стороны в сторону, словно ища источник звучания. Судя по такому поведению, можно предположить, что в это время я забывал о голоде, каких-то болях и мокрых пеленках. Будучи уже на несколько месяцев

взрослей, когда я начал делать первые неуверенные шаги и меня стали брать на прогулки в лесопарк, заслышав звучание духового оркестра, я вырывался из рук и, не умея еще говорить, всеми доступными мне способами показывал, что мне нужно быть там, где звучит музыка. Говорят, что однажды родители каким-то образом не уследили за мной, и я, заслышав музыку, пустился ползком в сторону игравшего духового оркестра, перемазавшись в грязи и масляной краске. После такого марш-броска белоснежный праздничный костюм восстановлению не подлежал и исчез куда-то навсегда из моей жизни. Не зря говорят, что искусство требует жертв. В моей жизни это была первая жертва ради него.

Со временем, как говорят знающие люди, у меня определили врожденный абсолютный слух, который дается свыше далеко не каждому ребенку. Чаще всего слух бывает приобретенный. Если при врожденном абсолютном слухе начать заниматься музыкой, то можно добиться больших успехов в музыкальном искусстве. Друзья и знакомые советовали моим родителям направить меня учиться музыке в Ленинградский институт культуры им. Н. К. Крупской, где имелся класс для одаренных детей. Туда принимали с семилетнего возраста. В августе 1941 года мне как раз исполнялось семь лет, и мне было объявлено, что летом мы поедем туда поступать. 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, которая поломала судьбы миллионам людей. И вме-

сто института культуры пришлось кончать университеты выживания. Говоря словами Марины Цветаевой, «из рая детского житья» пришлось сразу же окунуться в ад взрослой, суровой, беспощадной жизни. И о поступлении в институт пришлось забыть навсегда.

КАК ИЗВЕСТНО, ОДНОГО БОЖЬЕГО ДАРА НЕДОСТАТОЧНО. ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ДОСТИЧЬ КАКИХ-ТО УСПЕХОВ, НЕОБХОДИМО УЧИТЬСЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАТЬСЯ ВСЮ СОЗНАТЕЛЬНУЮ ЖИЗНЬ. НАЧАВШАЯСЯ ВОЙНА ОТНЯЛА НЕ ТОЛЬКО ВОЗМОЖНОСТЬ УЧИТЬСЯ, НО И УСЛОВИЯ ДЛЯ САМООБУЧЕНИЯ. Сколько я себя помню, меня все время интересовали предметы, способные издавать какие-то звуки. Будь то стаканы, кружки, тарелки, графины, когда я ударял по ним ложкой или каким-то другим предметом. Даже доски на заборе издавали отличные друг от друга звуки. При помощи всех этих так называемых музыкальных инструментов я пытался изобразить какое-то подобие мелодии, за что частенько получал различные наказания от родителей за разбитую посуду или невообразимый шум, устроенный мною при помощи колотушки и первого попавшегося под руку «музыкального инструмента». В прямом смысле с музыкальным инструментом я встретился, когда мне было около пяти лет от роду. Это была балалайка. Откуда она взялась в нашей семье, я не знаю. Я также не помню, чтобы кто-

то на ней играл. Вначале я неосознанно, беспощадно бил руками по лежащей балалайке и внимательно вслушивался в звучание струн. А когда стал брать ее в руки и понял, что при зажатии части струн ладошкой в разных местах звук меняется, меня она заинтересовала окончательно. Скорей всего, мне показали, как правильно обращаться с инструментом, и за сравнительно короткий срок я уже мог извлекать звуки, похожие на какую-то мелодию. Сейчас я уже не помню, что я тогда играл и как, единственное – остались в памяти одобрительные отзывы взрослых жильцов с нашего 3-го этажа, когда я выходил поиграть в коридор, простиравшийся на всю длину дома. К сожалению, мои коридорные гастролы длились недолго. Однажды, когда я в очередной раз уселся на своем маленьком стульчике с балалайкой в руках, в коридор ворвались две партии дерущихся между собой мальчишек. Причем дрались они не на кулачки и не при помощи палок, а камнями. Получилось так, что одна партия была от меня слева, другая – справа, а я со своей балалайкой оказался между ними, на нейтральной полосе. При очередном каменном залпе, который был произведен с правой от меня стороны, один из камней не долетел до противника и угодил прямо в мою балалайку, от которой осталась одна ручка с повисшими на ней струнами.

Потеря инструмента, конечно же, огорчила, но радовало то, что голова осталась цела. При таком камнеобстреле конец мог быть гораздо печальней.

Несмотря на то, что я при помощи балалайки научился извлекать какие-то членораздельные звуки и понял, что музыку можно не только слушать, но и воспроизводить самому, особой любовью я к балалайке не проникся. Меня больше привлекали клавишные инструменты, чем струнные.

Я, помню, мог без усталости, бесконечно долго, слушать и смотреть на музыканта, игравшего на баяне или гармошке. Какая-то труднообъяснимая сила словно магнитом тянула меня к этим инструментам. Помню до сих пор, с каким трепетом и волнением я брал в руки эти инструменты, когда мне разрешали подержать их на своих коленях. Помню даже их запах. Несмотря на то, что из-под гармонии не были видны даже мои брови, и казалось, что она своим весом раздавит меня в лепешку, я с большим трудом пытался дотянуться до клавиш и, шевеля короткими непослушными пальцами, воображая себя настоящим музыкантом, начинал извлекать хаотичные звуки, пока мех гармонии шел на разжим. Вернуть мех в обратном направлении помогали уже взрослые. Своих сил не хватало.

Выходные дни мы частенько проводили в Ленинграде. Гуляли по городу, по паркам, в зоопарке, в ЦПКиО. Заходили в магазины, где родители покупали какие-то вещи. Очень часто заходили в гости, то ли к хорошим знакомым, то ли к

какой-то родне. Я так и не понял, кем они нам приходились. Помню только, что принимали они нас с большим радушием и гостеприимством. Иногда они приезжали к нам в Невдубстрой. Где находится их дом, я могу найти и сейчас: это угловой дом Лиговки и ул. Жуковского, рядом с трамвайной остановкой. Однажды мы приехали на эту остановку с матерью. Мать высадила нас с сестренкой на мостовую, а сама не успела сойти, и трамвай тронулся. Я помню, с каким криком и плачем я бежал за трамваем до самого почти Лиговского проспекта, пока вожатая, очевидно, увидев меня бегущего или услышав вопли матери, стоящей в дверях вагона, не остановила трамвай. Я настолько был привязан к родителям, что не мог находиться без них даже короткое время. Словно было предчувствие скорой их потери.

Я хорошо помню дубовую старинную дверь при входе в парадную, с огромным дубовым колесом на ней. Помню расположение комнат в их квартире. Помню, что одна комната выходила во двор, где мне под надзором взрослых разрешали постоять на подоконнике и посмотреть вниз с высоты 2-3-го этажа. Я даже до сих пор помню запах этого подоконника. **ПОМНЮ, КАК НАМ С СЕСТРОЙ ПОКУПАЛИ ШОКОЛАДНОЕ ЭСКИМО, КРУГЛОЕ, НА ПАЛОЧКЕ, РАЗОГРЕВАЛИ В КРУЖКЕ ДО ПОЛУРАСПАДА И РАЗРЕШАЛИ ЕСТЬ ПРИ ПОМОЩИ ЧАЙНОЙ ЛОЖЕЧКИ. В ГОРОДЕ ЕСТЬ НЕ РАЗРЕШАЛИ ИЗ-**

ЗА БОЯЗНИ ПРОСТУДИТЬ ГОРЛО.

Еще помню, что хозяйку этой семьи звали Павлина. Следует сказать, что эта семья заметно отличалась от нашей укладом, поведением, культурой и образованностью. Между собой они частенько разговаривали по-французски, занимались переводом книг с французского на русский, многие вещи называли только по-французски. От них я впервые узнал, что туалет по-французски называется «клозет». Содержали служанку. Во время обеда суп разливался из фарфоровой супницы, которая обычно ставилась на краю стола. Уклад жизни напоминал жизнь состоятельных людей дореволюционного периода. Однажды летом, примерно в 1938 году, мы в очередной раз отдыхали в Ленинграде. Все было как обычно: погуляли по городу, сходили в какой-то музей, долгое время пробыли в зоопарке, где нас покатали на пони. Дали монетку слону, который брал ее прямо из рук посетителей и отдавал своему хозяину, а тот давал ему взамен какие-то овощи из стоящего рядом ведра. Послушали истошный крик, который вылетал из вагончиков «Американских гор», летавших с огромной скоростью по металлическим конструкциям на разных высотах и направлениях движения, после чего пошли по магазинам. В одном из отделов небольшого промтоварного магазина я увидел на прилавке гармонь. Родители не обратили на нее никакого внимания и после непродолжительного осмотра товаров, представленных на продажу, собира-

лись идти дальше. Меня же эта гармонь словно приковала к месту, где я стоял. Я стоял с широко раскрытыми глазами и не мог оторвать взгляда от множества кнопок, расположенных с обеих сторон меха, от треугольничка на черном корпусе с названием фабрики, изготовившей ее. Это была фабрика «Красный партизан». Мать, взявшая меня за руку, чтобы идти дальше, не могла стронуть меня с места. Переводя взгляд с гармонии на родителей, умоляющим голосом я стал просить их, чтобы они купили мне эту гармонь. Я, конечно же, не помню, сколько она стоила в то время, но точно знаю, что купить ее мог далеко не каждый, а только, как тогда говорили, зажиточный человек. Вспоминая о вещах, которые были у нас дома в то время, можно с уверенностью отнести нашу семью к числу зажиточных. Родители на первых порах даже слушать не хотели о такой дорогостоящей покупке. Напомнили мне о разбитой балалайке. Что с гармонью будет то же самое. И далее все в подобном роде. Несмотря на долгие упреки и уговоры, я твердо стоял на своем и уже не просил, а требовал купить мне гармонь, и никакими уговорами и силами не могли меня вывести из этого отдела. Всех подробностей я уже не помню, хорошо помню только то, что отец первый капитулировал, и, после короткого совещания с матерью, гармонь стала моей. В этот памятный для меня день наконец-то осуществилась моя мечта. Теперь я мог не только подержать на коленях чужую гармонь, но и попробовать поиграть на ней в любое время. В то время или я был

для нее еще мал, или она была для меня велика, но когда я садился на стул и мне ставили гармонь на колени, то из-под нее торчала только моя макушка головы, по бокам высывались руки и снизу болтались две ноги, а сам исполнитель, казалось, находился внутри инструмента. Несмотря на такие, мягко говоря, неудобства, через сравнительно непродолжительное время из-под моих пальцев стали появляться звуки, похожие то на одну мелодию, то на другую. Сейчас я уже не могу вспомнить, что я играл, но когда мне было всего пять лет от роду, моя тетушка Маруся, родная сестра моего отца, которая в то время жила у нас, приводила своих подружек к нам на танцы, и я им играл что-то такое, под которое можно было уже танцевать.

Когда по радио передавали какой-то концерт, родители включали нашу «тарелку» погромче, прекращали всякие разговоры или уходили в коридор, чтобы не мешать мне слушать музыку. Не очень сложные произведения через какое-то время я уже играл на гармошке. Как сейчас помню, когда я, примерно в шестилетнем возрасте, показывал отцу, как нужно играть «Златые горы». К сожалению, меня учить было некому. Пришлось до всего доходить своим умом, при помощи большой любви к музыке, упорства, терпения, трудолюбия, Божьего дара и какой-то неведомой силы, которая помогла мне в этом деле. Примерно за три года я уже играл значительное количество народных песен даже с баса-

ми. В 1941 году началась война. Когда немец был уже совсем рядом с Невдубстроем, пришлось бросить почти все свои вещи и переехать в Ленинград. Пришлось проститься в том числе и с любимой гармонью. Вторично я заимел свой инструмент только в 1955 году, когда уезжал на освоение целинных и залежных земель в Казахстан. **В РЕЗУЛЬТАТЕ БЫЛО ПОТЕРЯНО ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ДРАГОЦЕННЫХ, НЕВОЗВРАТНЫХ ЛЕТ, ПОСЛЕ КОТОРЫХ ДАЖЕ МЕЧТАТЬ О БОЛЬШОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МУЗЫКЕ, КОТОРУЮ МНЕ ПРЕДРЕКАЛИ В ДЕТСТВЕ И О КОТОРОЙ Я МЕЧТАЛ ДОЛГИЕ ГОДЫ, СТАЛО БЕССМЫСЛЕННО.**

Находясь в Башкирии, куда мы были эвакуированы в 1942 году из блокадного Ленинграда, иногда удавалось выпросить у кого-нибудь гармошку. И под строгим контролем хозяина инструмента поиграть какое-то короткое время. Чаще всего давали поиграть очень неохотно, боясь, что я поломаю гармонь. Для большинства гармонь была не просто дорогим музыкальным инструментом, а памятной вещью об ушедшем на фронт любимом, дорогом человеке, и сохранить ее в целости и сохранности к его приходу было делом чести и преданности ему. Меня словно магнитом тянуло к дому, где имелаась гармонь. И, словно кот возле кувшина со сметаной, я какое-то время бродил около дома, придумывая причину, чтобы войти внутрь и выпросить гармонь. Плохо было только то,

что не у всех были гармони одного типа. За короткий срок пришлось освоить гармони с русским, немецким, хроматическим строями, а также тальянки, саратовские, ливенки, а несколько позже аккордеон и баян. Когда убедились, что я не только не ломаю инструменты, но и что-то даже играю, стали давать гармони с меньшей опаской. Впоследствии стали приглашать поиграть на посиделках, вечеринках, свадьбах и других торжествах, которые проводились иногда, несмотря на войну и всенародное горе. Свои, местные гармонисты были на фронте, и мне пришлось заменять их в то время. Я делал это с большим удовольствием, потому что на таких торжествах я отрабатывал технику игры, пополняя свой репертуар, и мог играть без ограничения времени, можно сказать, досыта. Иногда и поест. Время было голодное. Особенно мы, эвакуированные, не имевшие никакого подсобного хозяйства, недоедали и очень часто испытывали чувство голода. Вполне можно сказать, что я уже в те годы зарабатывал себе на кусок хлеба. В это же время, в возрасте примерно десяти лет, пришлось узнать и вкус алкоголя. Разгоряченные хмелем и буйством веселья, сердобольные хозяева и гости, желая отблагодарить музыканта за игру, пытаются поднести ему лишний стаканчик бражки, самогону или же водочки. Были случаи, когда во время игры мне вливали в рот водочки и любезно засовывали в рот какой-нибудь кусок закуски. Волей-неволей приходилось глотать горячительный напиток, в противном случае он лился на гармонь и одежду. Я до сих

пор удивляюсь, каким образом мне удалось миновать участи алкоголика, когда были все условия, чтобы стать им.

Ранее я уже писал, что основными жилыми домами в Невдубстрое были каменные дома: пять трехэтажных и один четырехэтажный. Они стояли параллельно, около 100 метров друг от друга. Пространство между домами образовывали своего рода дворы. Мы жили в последнем доме – номер шесть. Эти дома почему-то называли «теплый бетон». Все они были построены по одному проекту и поэтому были похожи друг на друга. Только наш, шестой, был на один этаж выше остальных. Все дома располагались так, что жилые комнаты были обращены к югу, а коридоры располагались с северной стороны дома, поэтому все комнаты были светлые и в ясную погоду освещены солнцем. Конфигурация дома напоминала букву Т без правой верхней полочки. Через всю длину дома пролегал коридор, как в школьных зданиях, с окнами во двор. С противоположной стороны были двери в комнаты, а точнее говоря, в маленькие коридорчики с двумя дверями в комнаты, площадью 18–20 кв. м каждая. Дома отапливались паровым отоплением с ГРЭС. На каждом этаже была общая кухня, несколько уборных, красный уголок, душ, в торцах здания по балкону.

Наша семья жила на 3-м этаже и перед самой войной состояла из пяти человек: отец, мать, я, сестренка Фая и тетя

Маруся, родная сестра нашего отца. В то время ей было 16 лет. При входе в маленький коридорчик дверь в нашу комнату была левая, а правую комнату занимала семья Михайлова дяди Миши, заядлого рыбака. Вкус его рыбы, запеченной на противне в духовке, помнится до сих пор.

НАША КОМНАТА БЫЛА РАЗМЕРОМ НЕ БОЛЕЕ 18–20 КВ. М. ОЧЕВИДНО, И ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ БЫЛИ ТАКИЕ ЖЕ. ПРИ ВХОДЕ В КОМНАТУ С ПРАВОЙ СТОРОНЫ СТОЯЛА ОТТОМАНКА, НА КОТОРОЙ Я СПАЛ, НА СТЕНЕ ВИСЕЛА ОГРОМНАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА СССР. За оттоманкой у окна стоял комод, покрытый сетчатой накидкой, похожей на рыболовную сеть. Отец в то время был страстный фотолюбитель, и поэтому на комод стояло множество различных фотографий. Вдоль левой стены стояли кровати сестренки и родителей. У задней стенки стоял шкаф, а за ним была сделана маленькая каморка из досок, где отец проявлял свои пластины и фотокарточки. Иногда он позволял мне посмотреть, как печатал фотокарточки со стеклянных фотопластин на фотобумагу. Втиснувшись в его тесный чуланчик, напоминавший телефонную будку, я с разинутым ртом от удивления смотрел, как отец, опустив белый лист бумаги в какую-то жидкость и покачав какое-то время черную ванночку из стороны в сторону, вынимал оттуда уже готовый рисунок. Я считал, что наш отец волшебник, раз без карандашей,

при помощи одной только воды, мог за столь короткое время нарисовать рисунок. Причем каждый раз рисунки были разные.

Наши родители: отец – Чикунов Николай Николаевич и мать – Чикунова Татьяна Алексеевна, в девичестве Ефимова, – родились в 1907 году в Новгородской области. Отец – в селе Старое Рахино Крестецкого района, а мать – в деревне Тухоля Мстинского района. На мой взгляд, село Старое Рахино до войны имело не менее ста дворов. С большой белокаменной церковью на площади. Улицы и переулки имели свои названия, что практиковалось обычно в больших селах. В отличие от городских, где названия улицам давались в честь знаменитых людей или каких-то исторических событий, названия деревенским присваивали в зависимости от месторасположения улицы или в честь какого-то события местного значения. В Рахино я никогда не жил, только бывал наездами, но названия некоторых улиц помню до сих пор. Заречная, которая располагалась на противоположном берегу небольшой речушки, Оградская, рядом с деревенским кладбищем, Бардовка. Во время войны она сгорела почти полностью. Говорят, что почти все взрослые из деревни были отправлены на рытье траншей и противотанковых рвов. Ребятишки, оставшиеся одни, без надзора старших, однажды привязали кошке на хвост пучок сена или соломы, подожгли его и хотели посмотреть, как смешно она будет бегать с фа-

келом на хвосте. А кошка, не пожелавшая бегать долго, бросилась в ближайший стог сена, который был сложен вблизи жилых построек, подожгла его, и в результате, если бы летчик, пролетавший в это время над деревней, не сбросил бы записку жителям деревни о пожаре, то могла бы сгореть вся огромная деревня. Вместе с домом сгорела дочка моей тетушки Кати, моя двоюродная сестра.

Прошло много лет, но я до сих пор помню запах довоенной деревни. Он в значительной степени отличается от запаха современной. До войны все поля обрабатывались в основном при помощи лошадей. Помимо колхозного скота, каждая семья держала корову и какую-то другую животину. Для прокорма такого огромного количества животных каждое лето приходилось заготавливать большие объемы сена. Бессчетное количество стогов излучали неопиcуемый запах луговых трав, а примешанный к этому аромату запах навоза создавал причудливый, густой, трудноописуемый, ароматический, неповторимый, присущий только довоенной деревне букет.

ОТЛИЧИТЕЛЬНОЙ ОСОБЕННОСТЬЮ ДЕРЕВНИ ТОЙ ПОРЫ СЛЕДУЕТ ОТМЕТИТЬ И ТОТ ФАКТ, ЧТО СЕМЬИ В БОЛЬШИНСТВЕ СВОЕМ БЫЛИ МНОГОДЕТНЫ. ТАК, НАПРИМЕР, СЕМЬЯ, ГДЕ РОДИЛСЯ И ВЫРОС НАШ ОТЕЦ, СОСТОЯЛА ИЗ

ВОСЬМИ ЧЕЛОВЕК. Их отец, наш дед, Чикунов Николай Павлович, примерно 1870-х годов рождения, мать, наша бабушка, Чикунова Евдокия Ефремовна, в девичестве Санькина, 1889 года рождения. Умерла 25 августа 1959 г. В их семье было шестеро детей: Вася 1902 г. рождения, Коля 1907 г. рождения, Катя 1910 г. рождения, Саша 1915 г. рождения, Женя 1917 г. рождения и младшая Маруся 1925 г. рождения. Кроме Коли, Жени и Маруси, я привожу здесь годы рождения приблизительно. Во время Великой Отечественной войны ни один мужчина из этого семейства не вернулся с поля брани. У дяди Васи остались двое детей без отца: Люба и Коля, у нашего отца: мы с сестрой. Дядя Саша ушел в армию до начала войны и не успел обзавестись семьей. Менее драматично сложилась семейная жизнь у женской половины этого семейства. Тетя Катя благополучно вырастила дочь Шуру, сыновей Анатолия и Виктора. У тети Маруси живут и здравствуют дочка Валя и сын Николай. У тети Жени – дочь Люда и сын Володя.

Про нашего деда, Чикунова Николая Павловича, в деревне и среди знавших его ходили целые легенды. Поговаривали, что он родом из графской семьи. Некоторые так и звали его графом. Можно предположить, что это просто деревенское прозвище, но в то же самое время, в отличие от других, его называли по имени и отчеству, тогда как других просто по имени или по прозвищу. Сравнительно недавно я обна-

ружил у тети Жени, которая в то время уже жила в г. Котласе, фотографию деда в военной форме офицера царской армии. Эту фотографию он посылал своей матери, находясь на действительной службе, тогда еще в царской армии. Даты фотокарточки не было, но можно предположить, что это где-то 1899 или 1900 год. Какое там у него звание, я определить не могу, но что не рядовой солдат – это точно. Судя даже по этой фотографии, можно предположить, что он был не из простой крестьянской семьи. Говорят, что он писал стихи и выпустил две книги. Что его приглашали переехать в Ленинград, чтобы продолжить стихотворное творчество, но он отказался. По его проекту была построена школа в селе, где он жил, мост через реку Мста. Был виртуозным гармонистом. Говорят, что за ним приезжали за десятки километров, чтобы пригласить поиграть на каких-то торжествах.

ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ СТАРАЛИСЬ НЕ АФИШИРОВАТЬ СВОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ПОЭТОМУ БАБУШКА, КОТОРАЯ ПРОЖИЛА ДО 82 ЛЕТ, НИКОГДА НЕ РАССКАЗЫВАЛА, К КАКОМУ ОНИ РОДУ ОТНОСИЛИСЬ. ЕДИНСТВЕННОЕ, ИЗ ЕЕ РАССКАЗОВ Я ПОНЯЛ, ЧТО ДО РЕВОЛЮЦИИ ОНИ ЖИЛИ НЕ БЕДНО, ДЕРЖАЛИ ЛОШАДЕЙ, КОРОВ И НИ В ЧЕМ НЕ НУЖДАЛИСЬ.

Дед умер очень рано, еще до начала войны, поэтому я его

помню очень смутно. Помню только то, что когда у родителей был отпуск и мы приезжали к ним в гости, то большую часть времени я проводил с дедушкой. Куда бы он ни пошел, почти всюду брал меня с собой. Даже родителям не разрешал наказывать меня за какие-то провинности. У нас в семье высшей мерой наказания была постановка в угол на определенное количество времени. Если в его отсутствие меня ставили в угол, то после прихода деда мне тут же объявлялась амнистия. Каждый раз, когда я получал такое наказание, я с нетерпением ждал прихода деда, чтобы досрочно освободиться, и пулей вылетал из дома на улицу, словно птица, выпущенная из клетки, поклявшись перед этим родителям, что я больше не буду безобразничать. Дед также следил за событиями, происходящими в стране и за рубежом, и мог предвидеть, что может произойти в то или иное время. Наш отец, например, не верил, что будет война с Германией, а дед утверждал, что война неизбежна, и наказывал своим детям, чтобы они не тратили заработанные деньги на тряпки, а пускали их на нужды сегодняшнего дня, потому что все нажитое впрок придется бросить или оно будет уничтожено. К великому сожалению, его слова оказались пророческими.

Впервые меня привезли в деревню, когда мне было от роду несколько месяцев. Узнав от родителей, что я до сих пор не крещеный, родственники моего отца стали уговаривать их сделать это как можно быстрее, тем более что церковь нахо-

дилась почти под окнами и не нужно было куда-то ехать и далеко идти. Отец был коммунист и, по понятным причинам, и слушать не хотел об этом. Однажды, когда родители ушли на какое-то торжество к каким-то родственникам или друзьям, тетя Женья с кем-то еще завернули меня в одеяло, отнесли в церковь и там окрестили. Когда родители пришли домой, я уже лежал в качалке с крестом на шее. Отец, говорят, очень возмущался и снял с меня крест. Бабушка, вспоминая этот случай, много раз говорила мне, что Бог наказал нас за это: родители погибли, а мы остались круглыми сиротами.

Деревня Тухоля, где родилась наша матушка, во много раз была меньше села Старое Рахино. По сути дела, она состояла из одной улицы и нескольких маленьких переулков. При въезде в деревню стояла деревянная старая церковь. Сейчас эта церковь перевезена в Великий Новгород как ценный памятник архитектуры. Семья Ефимовых состояла из семи человек. Дед Алексей, бабушка, к сожалению, я не помню ее имени, и их дети: Миша, Вася, Таня, Поля и Груша. Дядя Миша и дядя Вася так и не вернулись с полей войны. У дяди Миши родилось двое детей: Тася и Валя. В настоящее время они проживают в Новгороде. У дяди Васи были дочь Катя и сын Борис. Катя после войны погибла при автокатастрофе, пробыв замужем всего несколько месяцев. Борис после войны нашел с ребяташками в лесу снаряд и при попытке разрядить его трагически погиб. У нашей матери были мы

с сестрой. У тети Поли детей не было. Тетю Грушу, если я не путаю, еще до войны убила лошадь. Ни деда Алексея, ни бабушку, ни дядю Мишу я почему-то не помню. Возможно, потому, что мы все время останавливались, когда приезжали в отпуск, в доме у дяди Васи. Он был лесничим, у него была служебная лошадь, и он все время встречал нас на ней и провожал до трассы Москва – Ленинград, где мы садились в автобус, следовавший до Новгорода. Дядя Вася держал пчел, и в его памятном сундучке всегда было полно меда, как в сотах, так и жидкого, самых разных лет заготовки. В то время я почему-то не любил мед, и меня кормили им каждый раз насильно. На чердаке был натянут полог, образуя помещение, подобие палатки, которая защищала нас от комаров и мух, и мы там ночевали, наслаждаясь чистым, ароматным воздухом и ночной деревенской тишиной. Днем эта палатка служила нам, ребятишкам, комфортным, уютным игровым домиком.

Довелось мне побывать в этом гостеприимном доме после войны. Многих уже не было в живых. Не вернулись с фронта дядя Миша, дядя Вася. В блокадном Ленинграде погибла наша мать. Погиб от снаряда наш двоюродный брат Боря. Потом погибла в автокатастрофе наша, пожалуй, самая любимая двоюродная сестра Катя, совсем еще, можно сказать, в юном возрасте. Мы все ее очень любили за ум, доброту, за добрый, мягкий характер, тактичность, милосердие и красоту. Несмотря на то, что в доме хозяйничала все та же

добрая, улыбчивая, гостеприимная хозяйка, тетя Маша, жена нашего дяди Васи, уже не было того довоенного веселья. Остались одни воспоминания о прошлых безоблачных днях и некоторые вещи и фотографии, напоминающие о безвозвратно ушедших от нас в мир иной родных нам людях. Не было уже и пчел. Перед уходом на фронт дядя Вася побросал все ульи в речку, чтобы не достались немцам. Фронт был уже совсем рядом от их деревни, но под оккупацию она все-таки не попала. Тетя Маруся была не просто гостеприимной хозяйкой, но и непревзойденной кулинарной мастерицей. Пирог, пирожки и корочки, испеченные ее руками, можно было не только есть, но и любоваться их красотой. До сих пор помню вкус топленого молока из ее русской печки. Мне кажется, такого густого, темно-коричневого, сладкого, с румяной пенкой молока я больше нигде не пробовал.

В 1936 году в моей жизни произошло трагическое событие, которое отложило отпечаток на всю последующую жизнь. Как рассказывали взрослые, я родился с огромными черными глазами. Это хорошо видно на фотографиях тех далеких лет. Почти все, кто видел меня в те годы, непременно восхищались моими большими, как они говорили, красивыми глазами и предрекали большие успехи в дальнейшем на любовном фронте. Но, к великому сожалению, этому предсказанию не суждено было сбыться. Верующие люди говорили, что меня просто сглазили.

А началась эта трагедия с незначительного покраснения левого глаза. Окулист, осматривавший меня, ничего серьезного не нашел и выписал какие-то капли, которые мне закапывали через какие-то промежутки времени в поликлинике. Рассказывают, что дело шло уже на поправку, когда при очередном закапывании медсестра перепутала флакончики с лекарствами и закапала мне такие капли, что впоследствии мой глаз просто сварился. Меня срочно отвезли в Ленинградский институт глазных болезней, что на улице Моховой, но даже профессора, осматривавшие меня, ничего уже не смогли сделать. **ПРИГОВОР БЫЛ ОДИН: НУЖНО СРОЧНО УДАЛЯТЬ ГЛАЗ, ИНАЧЕ МОЖЕТ ВСЕ ЗАКОНЧИТЬСЯ, КАК ГОВОРЯТ ВРАЧИ, ЛЕТАЛЬНЫМ ИСХОДОМ. ОПЕРАЦИЮ ПРОВОДИЛИ В ЭТОМ ЖЕ ИНСТИТУТЕ. САМУ ОПЕРАЦИЮ Я, КОНЕЧНО ЖЕ, НЕ ПОМНЮ, МНЕ БЫЛО В ТО ВРЕМЯ ВСЕГО ДВА ГОДА, НО ОСТАЛСЯ В ПАМЯТИ ЗАПАХ ОПЕРАЦИОННОЙ И ЯРКИЙ СВЕТ ЛАМПЫ.** Очевидно, меня еще до операции и после нее здорово напугали врачи, рассказывают, что после этих событий при виде белого халата, даже продавца, я пытался убежать от него подальше. Родители каким-то образом пытались наказать виновницу этой трагедии, но чем все это закончилось, я так и не узнал. Если бы ее даже и наказали, то моя жизнь от этого не стала бы легче. Помимо изуродованной внешности,

те же врачи не пускали меня всю жизнь на работы с повышенной опасностью, где можно было подзаработать на жизнь побольше денег. Меня не взяли в армию, это в наши годы считалось чуть ли не позором. Если и брали на какую-то работу, где, по заключению медиков, мне работать запрещено, то под личную ответственность руководителя и с большими оговорками. В случае, если по каким-то причинам я мог не понравиться начальнику, то меня в любое время могли уволить по вполне законным основаниям. Или меня оформляли по одной специальности, а я выполнял работы по другой. Так, например, в геологоразведочной партии я работал на подземных работах, а оформлен был дизелистом. И никакими льготами, которые положены проходчикам подземных выработок, я не мог пользоваться. Это касалось спецодежды, продолжительности очередного отпуска, количества лет для ухода на пенсию и т. д. Несмотря на то, что я выполнял те же самые работы, что и все, мне было не положено то, что получали мои товарищи по работе.

В Ковдорском Гоке я отработал помощником машиниста экскаватора три года и, когда хотел было сдать экзамен на машиниста, из министерства пришел какой-то грозный приказ убрать с горных работ всех слабослышащих и плохо видящих и с другими дефектами здоровья. В результате вместо машиниста экскаватора, я был переведен вообще на другую работу. И так всю мою сознательную жизнь самые различ-

ные ограничения висели над моей головой, словно Дамоклов меч.

У родителей я был первым ребенком, и вполне представляю, что им пришлось пережить в связи с этим трагическим случаем.

Отец работал на электростанции турбинистом. Иногда он звонил с работы по телефону и приглашал меня послушать, как работают турбины. Я слышал в трубке какой-то шум и, вполне естественно, даже приблизительно не представлял, как выглядят турбины, которые вращают генераторы, вырабатывающие электрический ток. По воле судьбы в пятидесятые годы мне тоже довелось поработать на электростанции и вырабатывать электрический ток, но при помощи не паровых турбин, а дизельных установок.

У отца работа была посменная, и его режим дня не всегда совпадал с нашим. Ночью, когда мы спали, он был на работе, а днем, наоборот, бодрствовали, а он спал после ночной смены. Однажды после ночной смены отец лег отдохнуть, мать пошла готовить обед на кухню, а я сел на пол и начал катать свой любимый паровозик с пассажирскими вагончиками. Отец через какое-то время уснул, лежа на спине с приоткрытым ртом. Кухня у нас была общая в конце коридора, а продукты мать хранила в комнате в деревянном столе, поэтому ей частенько приходилось забегать домой то за одним,

то за другим. Забегая в очередной раз по каким-то своим делам, она на бегу заметила, что у спящего отца рот открыт «хоть соли сыпь». Я это замечание воспринял всерьез и решил проверить, что будет, если всыпать отцу в рот соли. Солонка с солью стояла на столе для продуктов. Я взял с нее щепотку и медленно, до единой крошки, высыпал отцу в рот и стал наблюдать, что он будет делать. Какое-то время отец лежал неподвижно, сладко похрапывая. Несколько раз пошевелил языком. Потом закрыл рот и стал громко причмокивать, шевеля языком, словно дегустируя какой-то деликатес. Не открывая глаз, он быстро вынырнул из-под одеяла и, стоя у кровати, стал сплевывать изо рта слюну. Я успел отскочить в сторону и сделал вид, что очень увлечен игрой в паровозик. В это время в комнату вошла мать. Увидев отца, стоящего у кровати, очень удивилась, а узнав причину такого быстрого пробуждения, удивилась еще больше. Отец сказал, что у него такое ощущение, как будто ему кто-то в рот всыпал соли. Расследование было коротким, и я был приговорен к высшей мере наказания. Стоя в углу, лицом к стене, я проливал крокодильи слезы от обиды, что взрослые не оценили моей шутки. И уже у меня было солоно во рту от ручьем текущих слез.

Как мне кажется, я не очень баловным был ребенком, но все-таки были случаи, когда мои проказы заставляли родителей поволноваться за мое здоровье. В те годы я очень лю-

бил лазить по верхам. Особенно меня почему-то привлекали батареи. Чаще всего все заканчивалось благополучно, но бывали моменты, когда я кубарем летел вниз, и на моей голове появлялась очередная шишка или ссадина. Однажды я получил огромную шишку, но уже не от падения с батареи, а от столкновения лбами со своим товарищем. Как я уже писал ранее, коридоры в нашем доме располагались на всю длину дома с поворотом на 90 градусов, где был коридор меньшей протяженности. В пасмурную погоду летом, в сильные морозы зимой мы частенько устраивали в коридоре соревнования по бегу или велогонки на трехколесных велосипедах. Однажды при очередных соревнованиях по бегу я набрал максимальную скорость в большом коридоре, и на повороте мы встретились лбами с другим бегуном, который летел тоже на всех парах, вкладывая в бег всю свою мощь, чтобы прийти к финишу первым. Удар лбами настолько был сильным, что из глаз полетели искры и я потерял сознание. Очнувшись дома на оттоманке, я только тогда почувствовал сильную головную боль. На лбу образовалась огромная шишка, которая, словно наглядное пособие, напоминала всем любителям скоростного коридорного бега, что на поворотах следует снижать скорость, иначе можно заработать подобный украшающий физиономию фонарь.

За всю прожитую жизнь я неоднократно тонул в различных реках и речках. Но, как ни странно, впервые я нахлебал-

ся водички в обычной луже. Недалеко от нашего дома летом экскаватор выкопал небольшой котлован, который впоследствии заполнился водой. Летом мы использовали его как детский пляж и бассейн, а зимой он служил нам катком. Однажды ранней осенью, когда на этом импровизированном катке лед был еще очень тонкий и гнулся, словно тонкий лист железа, я взял санки и, разбежавшись, попытался проехать на них по льду. После разбега по каким-то причинам санки перевернулись, и вместо санок я плюхнулся спиной об лед. Лед тут же проломился, я оказался полностью в воде и начал захлебываться. На мое счастье, в этот момент рядом проходила какая-то женщина, которая вытащила меня из этой лужи и, словно паршивого котенка, мокрого, грязного притащила домой. Мне в тот день повезло еще раз, потому что в момент моего появления в непотребном виде дома была только бабушка и дело до «высшей меры» наказания не дошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.